

Александр БОВИН

ПОГОВОРИМ ПО СУЩЕСТВУ...

о мире и войне,

разрядке и конфронтации,

разоружении и гонке
вооружений

и о других проблемах
мировой политики

всякого рода цитатами. Надеюсь, это поможет советскому читателю более объемно воспринимать обсуждаемые темы.

Думая о читателе, я имею в виду прежде всего читателя молодого. Я имею в виду читателя, который начинает сознательную жизнь и который поэтому должен и хочет разобраться в хитросплетении больших и малых проблем, образующих ткань мировой политики, международных отношений. Такой читатель, как правило, не верит на слово, стремится сам анализировать факты и аргументы. И мне хотелось дать ему эти факты и аргументы.

Будет ли война? Конкретнее: будет ли ракетно-ядерная война между СССР и США? Тот же вопрос, но другими словами: приближается ли третья мировая война, глобальное столкновение Запада и Востока?

Самый «простой» и стопроцентно безошибочный ответ на все эти и аналогичные им вопросы состоит вот в чем: в той реальности, которая нас окружает, в которую мы погружены, содержатся и возможность третьей мировой войны, и возможность предотвращения такой войны...

А если усложнить ответ? Если рискнуть ошибиться? Если оценить вероятность каждой из указанных возможностей?

У меня нет компьютера, и поэтому мои оценки будут страдать известной неопределенностью. И все же...

Начинать приходится, к сожалению, с того, что угроза войны, рост угрозы войны остро ощущаются всеми. И это ощущение не беспочвенно. Горы оружия поднимаются все выше. Растет его разрушительная, убойная сила. Слышны голоса тех, кто хотел бы «попытать счастья», пустить это оружие в ход. Или, как минимум, заняться «балансированием на грани войны». Голоса «ядерных оптимистов» вроде бывшего сенатора США Рассела. Он заявил: «Если нам придется все начинать сначала, с другими Адамом и Евой, я хочу, чтобы они были американцами, а не русскими, и я хочу, чтобы они сохранились на американском континенте, а не в Европе». Рассел не шутит... Но почему и не пошутить? «Если мы опустошим планету, природа все равно может возродить на ней жизнь, и понадобится ей для этого каких-нибудь несколько миллионов лет — для природы суций пустяк. Время иссякает только у человечества». Это называется «черный юмор». Так шутит Курт

Воннегут. Все это пугает, настораживает, беспокоит людей. Роковая альтернатива — быть или не быть? — стала близка, почти осязаема.

Трудные, крайне тревожные, тяжелые времена.

Так что же, по-вашему, человечество обречено? Люди бессильны предотвратить собственную гибель?

Простите, но этого я не говорил. И я вовсе так не думаю.

История любит парадоксы. Двадцатый век — апофеоз войн. Никогда еще в войнах не участвовало столько государств и не погибало столько людей. Но именно в двадцатом веке впервые в истории возникли силы и обстоятельства, способные предотвратить новый мировой пожар. Социалистические страны, присоединившиеся государства, массовые антивоенные, антиядерные движения — все это резко ограничивает социально-политическое пространство, где еще продолжает доминировать милитаризм.

Но, согласитесь, подобные ограничения не смогут помешать пустить в ход пресловутую «кнопку». Правительства, генералы, безусловно, учитывают общественное мнение, но не подвластны ему...

И все-таки я не стал бы недооценивать значение общественного мнения, влияние антимилиаристских настроений. Медленно, постепенно, но они меняют общую атмосферу, начинают отражаться на характере, содержании политических решений. И, как мне представляется, эта тенденция будет укрепляться, набирать силу.

Есть и другое измерение проблемы — уже не социально-политическое, а военно-техническое. Само развитие военной техники, средств уничтожения, истребления поставили войну на грань самоуничтожения. Впервые в истории люди создали оружие такой разрушительной силы и накопили такие его огромные запасы, что поставлено под вопрос будущее человечества. Любые расчеты приблизительны, условны, но по оценке, например, директора Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира Фрэнка Блэкэби, даже если всего 10 процентов имеющихся ядерных боеголовок будут применены, цивилизация в Северном полушарии исчезнет. А если будет использовано 20, 30, 40 процентов? Страшно подумать... Все это — «мысли о невымыслимом», как написал когда-то Герман Кан.

И Запад, и Восток располагают примерно одинаковыми «потенциалами смерти». Отсюда — «равновесие страха».

Каждому из потенциальных противников грозит быть не просто побежденным, но уничтоженным в грядущей войне. В терминах современной стратегической теории такое положение определяется концепцией «взаимного гарантированного уничтожения». Суть дела вот в чем. Если страна А, используя весь свой ракетно-ядерный арсенал, нанесет тотальный удар по стране Б, то у страны Б сохранится потенциал ответного удара, достаточный для того, чтобы причинить стране А неприемлемый для нее ущерб. Или короче: тот, кто начинает первым, погибает вторым.

Американцы дозрели до понимания этого во второй половине 60-х годов. Выступая 18 сентября 1967 года в Сан-Франциско, тогдашний министр обороны США Роберт Макнамара заявил: «Очевидным и неизбежным фактом остается, что Советский Союз с его наличными силами может эффективно уничтожить Соединенные Штаты, даже приняв на себя всю тяжесть американского первого удара». Ситуация, естественно, строго симметрична.

Отказавшись в 1972 году на взаимной основе от развертывания систем противоракетной обороны, СССР и США добровольно согласились стать заложниками — каждая страна по отношению к другой. И это в драматической форме подчеркнуло переход стратегического мышления на качественно новую ступень. Ни защита, ни нападение, ни любое их сочетание не могут гарантировать безопасность. Следовательно, единственная гарантия безопасности — это лишь взаимная безопасность, а значит, предотвращение войны. Признание этого и на Востоке и на Западе позволяет сделать вывод, что в принципе вероятность предотвращения третьей мировой войны остается выше, чем вероятность возникновения такой войны. Несмотря, повторяю, на очевидный с конца 70-х годов рост угрозы ракетно-ядерной катастрофы.

Охарактеризуйте подробнее «качественно новую ступень» стратегического мышления. Сохраняет ли на этой ступени свой смысл известная формула Клаузевица? Считаете ли вы, что война остается продолжением политики, средством реализации тех или иных политических целей?

Начнем с Карла Клаузевица. Любая война — большая или малая, обычная или ракетно-ядерная, — если уж она началась, если она идет, всегда была, есть и будет продолжением определенной политики. Здесь, в этой констатации Клаузевиц аксиоматичен, и в этом смысле его гениальная формула сохранит свою силу до тех пор, пока люди будут воевать.

Но формула Клаузевица имеет еще один смысл, уже не констатирующий, а рекомендательный. Он как бы предлагает политику, государственному деятелю выбор: для достижения данной политической цели можно действовать или мирными методами, или насильственными, военными. Оба варианта, с его точки зрения, вполне и в равной степени законны, выбор должен определяться конкретными обстоятельствами.

Именно здесь Клаузевиц устарел. Ибо нет и не может быть такой политической цели (если, конечно, не считать таковой национальное самоубийство), для достижения которой имело бы смысл начать ракетно-ядерную войну. Нет и не может быть такой цели, ради достижения которой имело бы смысл поставить под удар существование рода человеческого.

А поскольку последствия ракетно-ядерной войны выйдут за рамки рационального, странные метаморфозы претерпевают и многие привычные понятия и представления. Расплывается, теряет знакомые очертания разделение участников войны на победителей и побежденных: победителей не будет — все будут побежденными.

Советские руководители неоднократно подчеркивали этот тезис.

Л. И. Брежнев: «...Начинать ядерную войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто решил совершить самоубийство».

Ю. В. Андропов: «Поистине надо быть слепым к реальностям нашей эпохи, чтобы не видеть: каким бы образом, где бы ни вспыхнул ядерный смерч, он неизбежно выйдет из-под контроля, вызовет всеобщую катастрофу».

К. У. Черненко: «В ядерной войне не может быть победителя, с ее помощью нельзя достичь каких-либо политических целей. Любая попытка пустить в ход ядерное оружие неизбежно выльется в катастрофу, способную поставить под вопрос судьбы самой жизни на Земле».

М. С. Горбачев: «...Внешнеполитическая линия КПСС, Советского государства остается неизменной»; она включает в себя активную борьбу за спасение человечества от «ядерной катастрофы»; в ядерный век «безопасность государства не может строиться на силе или угрозе силой. Она возможна лишь как безопасность для всех».

Эта принципиальная позиция разделяется всеми участниками Варшавского Договора.

На ракетно-ядерном уровне нарушается классическая связь между оружием и его использованием. Ракетно-ядерное оружие не может быть разумным средством ведения войны. Его можно иметь, но нет смысла использовать его иначе, чем как средство сдерживания. Война — это решение,

которое ничего не решает. Отсюда — так называемый «стратегический пат»: фигуры есть, но ходить некуда. Отсюда же — абсурдность, алогичность гонки вооружений, ибо накопление оружия не увеличивает безопасность, а уменьшает ее.

В общем, если считать, что в ракетно-ядерной войне невозможно одержать победу, если исходить из того, что ракетно-ядерная война означала бы гибель цивилизации, то начать войну становится не так-то просто. Даже для тех, кто хотел бы ее начать.

В пользу такого умозаключения свидетельствуют и предположения многих ученых об экологических последствиях войны — о возможности того, что получило название «ядерная зима».

Но ведь «ядерная зима» — всего лишь гипотеза. Как, впрочем, и разные варианты радикальных суждений о «гибели человечества», «гибели цивилизации» и т. п. Можно ли оперировать ими без существенных оговорок? А вдруг все будет не так уж страшно?

Вот именно. А «вдруг» не так уж страшно... К этому утешению и сводится, если угодно, смысл всевозможных оговорок. Но меня такое утешение — «а вдруг мы уцелем» — не устраивает, не успокаивает.

Все суждения о ракетно-ядерной войне и ее последствиях гипотетичны. Классическая военная стратегия опиралась на колоссальный практический опыт. Человечество прошло через тысячи войн. Военные действия изучались, анализировались, обобщались — так рождалась военная наука доядерной эпохи. А теперь? Стратегия ракетно-ядерной войны, размышления о ее последствиях не имеют опытной базы, ибо такой войны не было. Тут сплошные гипотезы. Но если мы хотим выжить, надо ориентироваться не на оговорки, не на «вдруг», а на эти самые гипотезы, ибо выходящая за рамки человеческого воображения разрушительная сила ядерного оружия, «проверенная» в Хиросиме и Нагасаки, не гипотеза, а факт.

Вернемся к «ядерной зиме». Группа ученых из разных стран выдвинула такую гипотезу. Предположим, воюющие стороны обменялись серией ядерных ударов общей мощностью 5 тысяч мегатонн (эквивалентно взрыву 5 миллиардов тонн тринитротолуола — примерно по одной тонне на человека!). При этом масса пыли почти в миллиард тонн будет выброшена в верхние слои атмосферы и постепенно «размажется» вокруг земного шара на высоте 20 километров. Это

вызовет резкое уменьшение освещенности на земле и падение температуры в среднем на 25° С. Одновременно ядерные взрывы вызовут гигантские пожары в городах и лесах, что приведет к сильнейшему загрязнению нижних слоев атмосферы пеплом и дымом.

Не буду вдаваться в детали, они излагаются в соответствующей литературе. Конечный результат — непоправимое нарушение экологического равновесия на планете и прогнозируемая с пугающей степенью вероятности гибель всего живого.

Для любителей оговорок можно сказать, что в механизме «ядерной зимы» много спорного, неясного, неопределенного. Ведь ни один сценарий, ни одна комбинация переменных величин не могут быть проверены в эксперименте сравнимого масштаба. *«Пока люди не начнут сжигать города, чего, я надеюсь, никогда не произойдет, — заметил д-р Шнейдер из США, — всегда будут сохраняться неподдающиеся проверке факторы».* Поставим — для тех, кто настаивает на оговорках, — вопрос шире: пока люди не начнут обмениваться ядерными ударами, во всей области ядерной стратегии, ядерного планирования останутся «не поддающиеся проверке факторы». Но что из этого следует? Можно ли, уповая на оговорки, на имеющиеся неопределенности, рискнуть «попробовать», «поставить опыт»? Или все-таки, несмотря на теоретические неясности, положить гипотезы в основу практической деятельности? Второй путь мне представляется предпочтительным.

Если не убаюкивать себя оговорками, то ракетно-ядерная война изначально бы катастрофу в квадрате, ибо смертоносное, губительное для людей действие ядерного оружия будет помножено на столь же, если не более, губительные экологические сдвиги.

В нынешней Америке то и дело слышатся воинственные голоса. Но вот в еженедельнике «Ньюсуик» в июле 1984 года помешены результаты опроса 257 генералов и адмиралов, из которых 85 процентов назвали себя консерваторами. Что же думают эти генералы и адмиралы? 75 процентов среди них считают, что в ядерной войне не может быть победителя; 88 процентов — заявили, что война между сверхдержавами едва ли возможна. Неплохо для консервативных генералов и адмиралов. И трудно представить себе, что тот, кто отдает себе отчет в последствиях войны, тот, кто находится в здравом уме и твердой памяти, — а таких все же большинство — «нажмет на кнопку».

«Мысль о ядерной катастрофе внушает невообразимый ужас, — говорил 28 ноября 1984 года в Колорадо-Спрингс на симпозиуме американского фонда космических исследований директор Агентства по контролю над вооружениями и

разоружению К. Эделман. — Нам незачем представлять себе подробности «ядерной зимы», чтобы понять, что это будет кошмарно и что это, вполне возможно, будет концом всякой цивилизации в том виде, в каком она нам известна». Так думают многие, очень многие. Вот почему, если вернуться к началу наших рассуждений, я продолжаю верить, что ракетно-ядерную войну можно предотвратить. Против нее — огромный потенциал сдерживания, которым располагает СССР. Против нее — разум, страх, инстинкт самосохранения, а это не так уж мало.

В здравом уме и твердой памяти... Допустим, логика на вашей стороне. Но нужно ли успокаивать, убаюкивать людей? Ведь жизнь далеко не всегда логична. Жизнь полна случайностей. Вдруг забарахлил компьютер? Вдруг у кого-то отказали нервы? Сейчас много говорят и пишут о риске случайной войны. Как вы к этому относитесь?

Почему же «убаюкивать»? Мы достаточно четко, ясно говорим о росте ядерной угрозы, о реальности такой угрозы. Но мы против «пережима», против того, чтобы пугать людей. Надо трезво, хладнокровно смотреть на мир, видеть его с разных сторон, в разных проекциях.

Разумеется, жизнь порой алогична. И поэтому выкладки, опирающиеся на «чистую» логику, иногда оказываются уязвимыми. Могут быть и ошибки, и случайности, и психические расстройства. Но поскольку все это известно и поскольку ни одна из сторон не заинтересована в подобном (случайном) развитии событий, то принимаются эффективные меры предосторожности. В системы ядерного оружия встроены многочисленные предохранители. Разработаны специальные процедуры проверки надежности людей, связанных с ядерным оружием. Делается максимум возможно, чтобы свести на нет риск несанкционированного запуска.

И все же обстановка достаточно тревожна. Ведь чем больше оружия, чем больше людей имеет с ним дело, чем сложнее системы управления, тем выше вероятность сбоев, просчетов, всякого рода «нештатных ситуаций». И это — даже в относительно спокойное время. А представьте себе кризисную ситуацию, периоды острой напряженности. В печати сообщалось, что в американской системе НОРАД к началу 1983 года каждые три дня регистрировались две ложные тревоги. В нормальной ситуации они и фиксировались именно как ложные. А если кризис? Если системы оружия уже приведены в боевую готовность? Вот тут нервы могут сдать...

Опасность возрастает, когда ракетно-ядерное оружие размещается вблизи от потенциальных целей. Ведь если подлетное время исчисляется несколькими минутами, то соответственно сокращается и время для принятия решений и тем самым увеличивается риск ошибок. Ныне, после того, как началась реализация «двойного решения» НАТО, такая ситуация сложилась в Европе. *Правильно писала английская газета «Гардиан»: «Вывод ракет «Першинг-2» из Европы и вывод различных западных ракет, запускаемых с подводных лодок, включая «Поларис» и «Трайидент», на достаточное расстояние от центров командования и контроля (СССР — А. Б.) являются необходимым шагом со стороны западных держав. Не теряя ни одного боеприпаса, стороны смогут таким образом значительно сократить вероятность случайного возникновения ядерной войны». Что верно — то верно. Но не хотят наши западные партнеры выводить «на достаточное расстояние»...*

Общий вывод, пожалуй, может звучать так: чем острее международный кризис, чем дольше он длится, тем вероятнее случайная ядерная война. Со всеми, конечно, последствиями войны неслучайной... Вот почему в наше время, — когда конфронтация продолжает преобладать над разрядкой — так тревожно на душе. Что там ни говори, а вопрос «быть или не быть?» задает себе теперь не один человек, а все человечество.

Давайте уточним. Вы считаете, что преднамеренная ракетно-ядерная война менее вероятна, чем война случайная.

Примерно так... Хотя жесткие, застывшие дефиниции упрощают мысль. Не исключена, например, ракетно-ядерная война в результате эскалации локального конфликта на периферии или конфликта между основными противоборствующими силами, но начатого с использования обычных вооружений. И тут трудно провести четкую грань между «преднамеренностью» и «случайностью». Впрочем, практически, как вы понимаете, это не будет иметь никакого значения. Конец будет один. Именно тот, которого во что бы то ни стало надо избежать.

Ваш основной аргумент: те, кто принимает решения, понимают, что в ракетно-ядерной войне не может быть победителя, что такая война — это самоубийство, глобальная катастрофа. Но ведь в Соединенных Штатах разрабатываются и различные сценарии ограниченной стратегической ядерной войны, контроли-

руемой ракетно-ядерной дуэли. При таком подходе ракетно-ядерная война уже не рассматривается как всеобщая катастрофа. И значит, можно рискнуть, преднамеренно рискнуть, рискнуть, чтобы победить.

Да, такого рода исследования ведутся в США. Там, действительно, пытаются вычислить «квадратуру круга», найти рациональные методы использования иррациональных средств ведения войны. Там, насколько я понимаю, военная доктрина предусматривает ведение ограниченной (и затяжной) ядерной войны. *«Директивы в области обороны на 1984—1988 годы» обязывают Пентагон «выработать планы для нанесения поражения Советскому Союзу на любом уровне вооруженного конфликта — от повстанческих операций до ядерной войны».*

Ставится задача ограничить военные действия обменом «точечными», «хирургическими» ядерными ударами, ударами не по городам, а по военным объектам, по центрам управления и связи. Советская военная доктрина решительно отрицает возможность такой «джентльменской дуэли». Ставят ее под сомнение и многие американцы. *Бывший председатель комитета начальников штабов США генерал Д. Джоунс утверждает: «Я не вижу реальной возможности вести ограниченную или затяжную ядерную войну. Я считаю, что было бы чрезвычайно трудно удержать любой обмен (ядерными ударами. — А. Б.) между США и СССР от эскалации».* Так оно и есть. Пытаясь убедить самих себя в том, что можно начать и победить, по крайней мере, выжить, американские стратеги вносят дополнительные факторы риска в и без того уже далеко не спокойную обстановку. Будем надеяться, что здравый смысл возьмет верх. А если нет? Вопрос чисто риторический. Ракетно-ядерная война будет тотальной, массивированной, или ее не будет вообще.

А если поставить вопрос иначе: тотальная ракетно-ядерная война означает гибель человечества (более мягко — гибель современной цивилизации); ограниченная ракетно-ядерная война означает, по разным оценкам, гибель нескольких десятков миллионов человек. Так что же лучше? Не стоит ли предпочесть ограниченную войну? Род людской сохраним...

Не в предпочтении тут дело. Не в субъективном выборе. Если бы можно было выбирать, то из двух зол — абсолютного и относительного — я бы выбрал относитель-

ное. Но вся штука в том, что выбора-то и нет. Вернее, он есть на бумаге, в пределах академических ракетно-ядерных штудий, компьютерной, свободной от эмоций логики. А что будет в реальности, в жизни? Можно ли, например, не бить по городам? *Цитирую бывшего директора Агентства национальной безопасности США адмирала Н. Гейлера. «Будет ли нанесен удар по городам?» — спросил он. И ответил: «Почти наверняка. В них расположены цели системы сдерживания. О чем бы ни заявляла любая из стран, ракеты, которые будут посланы нанести удар по руководству страны, системе контроля, военному или промышленному потенциалу или по восстанавливаемой экономике, обрушатся на города».* Боюсь, что контролируемая, ограниченная ракетно-ядерная дуэль превосходит возможности человеческой психики. Скорее всего, за первыми ядерными ударами последует неудержимая их эскалация до последней мыслимой, вернее уже немислимой, черты. По понятным причинам проверить эту гипотезу («почти», как деликатно сказал адмирал) не представляется возможным.

Еще два соображения.

Во-первых, любой вариант «ограниченной» войны мог бы иметь смысл лишь в том и только в том случае, если другая сторона принимает те же «правила игры». Но как раз это не может быть доказано. Поскольку будут затронуты коренные интересы безопасности Советского Союза, он будет исходить из своих возможностей и расчетов, которые вряд ли можно свести к «ядерному дуэльному кодексу».

Во-вторых, даже самая изощренная кабинетная схема не может претендовать на то, что она выдержит испытания реальностью. *«Никакая другая человеческая деятельность», — писал Карл Клаузевиц, — не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье... Война покоится на игре возможностей и вероятностей, счастья и несчастья, среди которой зачастую бесследно исчезает последовательность строгих логических заключений».* Старый немецкий теоретик слишком строг к логике. И все-таки история войн свидетельствует о том, что самые превосходные стратегии, которые впитали в себя тысячелетний опыт военного искусства, если не исчезали бесследно, то довольно часто до неузнаваемости изменялись «игрой возможностей и вероятностей». А ведь ядерная стратегия — это наука о том, чего никогда еще не было.

Таким образом, ограниченная ракетно-ядерная война практически мыслима лишь как запал войны большой, тотальной. И здесь огромная опасность сомнительных теоретических новаций. Людям, которые убедят себя в возможно-

сти ограничить ракетно-ядерную войну, которые поверят в возможность выжить (и даже победить) и которые решатся проверить теоретические выкладки на деле, этим людям уже никто и никогда не сможет сказать, что они ошиблись.

Следовательно, указанная эволюция стратегической мысли в США, особенно если ее рассматривать на фоне характера, направленности модернизации американской стратегической триады, несомненно увеличивает вероятность возникновения третьей мировой войны.

Вы упоминали концепцию «взаимного гарантированного уничтожения». Как известно, президент США Р. Рейган предложил отказаться от нее. Логика президента понятна. Нет никакого утешения, нет смысла в том, что, погибая, страна А гарантированно отправляет на тот свет и своего убийцу — страну Б. Тут все проигрывают. Но, предположим, страна А создает надежную систему противоракетной обороны. В этом случае страна Б или не рискнет напасть на страну А (и все выигрывают), а если и рискнет, то страна А останется неуязвимой за своим щитом ПРО, а страна Б навлечет на себя сокрушительный ответный удар (проигрывает агрессор). Исходя из этого, Р. Рейган поставил задачу создать систему ПРО с использованием, если нужно, околоземного пространства. Казалось бы, что такой подход целесообразнее и гуманнее, чем сдерживание при помощи угрозы уничтожения. Но Советский Союз против. Почему?

Р. Рейган был бы прав только в одном и стопроцентно невероятном случае. Если бы и у СССР и у США «вдруг» одновременно появились надежные системы ПРО.

Так ведь президент США и предложил после того, как американцы разработают систему ПРО, передать ее Советскому Союзу.

Большое спасибо. По-моему, ни один человек в мире не воспринял это предложение серьезно. А ведь мы условились говорить всерьез... Возьму в основу министри обороны США Каспара Уайнбергера. По его словам, развертывание стратегической противоракетной обороны «будет средством противодействия возможности создать подобную же систему в Советском Союзе». Вот все и стало на свои места — не передать, а противодействовать.

ский нуль оборачивается для СССР явным минусом. Расчет был простой: выдвинуть заведомо неприемлемые для СССР предложения, а потом упрекать Москву в том, что она упирается, тянет, срывает переговоры.

И возникают вопросы. Можно ли верить нынешнему Вашингтону? Можно ли принимать всерьез заявления о желании вести честную игру с Советским Союзом? Там, конечно же, есть разные люди, там борются разные силы и тенденции, о чем увлекательно рассказал американский журналист Струоб Тэлбот в своей известной книге «Смертельные гамбиты». Но в итоге пока получалась такая картина: если «умеренная», скажем так, фракция определяет форму политики, то «жесткая» фракция держит в своих руках ее содержание.

А как, например, отнеслись в Штатах к нашему предложению о замораживании?

Нас тревожит, что ученые, конструкторы, инженеры работают лучше и быстрее дипломатов. Пока дипломаты в муках рождают соглашение о том или ином типе оружия, появляются новые типы, о сокращении которых договориться еще труднее. И мы предложили: давайте условимся не создавать новые типы оружия. Давайте сделаем еще один шаг и заморозим нынешние уровни. А потом, обезопасив тыл, будем разговаривать о том, как сократить то, что уже есть. «Нет», — сказали в Вашингтоне.

Почему же «нет»? Ведь чтобы повернуться и пойти назад, сначала надо остановиться. «Нет», — повторяют в Вашингтоне. И аргументируют так: мы не хотим замораживать «явное преимущество» Советского Союза.

Гораздо оригинальнее рассуждает главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Б. Роджерс. НАТО, сказал он, собирается сократить число ядерных боеголовок в Западной Европе, а если заморозят, мы не сможем этого сделать.

Роджерс, видимо, пошутил. А в целом для американцев, кроме сомнительной проблемы превосходства, есть еще и проблема контроля. Вы уверены, что можно надежно контролировать замораживание?

Прежде всего я против абстрактной постановки вопроса о контроле, своего рода метафизики контроля. О контроле нужно говорить конкретно — что именно, в какой мере и как следует контролировать. Контроль — не предварительное условие переговоров, а их неотъемлемая составная и в известном смысле подчиненная часть. Рассматривая проблемы контроля как самодовлеющие, американцы фактически пе-

рекрывают путь к переговорам. Мы предлагаем другое: давайте сядем за стол переговоров, давайте обсудим, что нужно заморозить, и тогда легче будет решать вопрос о процедурах контроля. Это — первое.

И второе. В большинстве случаев невозможно обеспечить абсолютный, стопроцентный контроль. Какая-то вероятность риска остается. Однако согласованные механизмы выяснения возникающих подозрений, обсуждения спорных вопросов способны, как показал опыт, свести этот риск к минимуму, приемлемому для практической политики. Позицию американцев можно сравнить с позицией человека, который в сильный ливень отказывается взять предлагаемый ему зонт, ссылаясь на то, что в зонте есть небольшая дырка.

Впрочем, в Америке есть здравомыслящие люди, которые реально подходят к проблеме контроля. *Сошлюсь на бывшего заместителя директора ЦРУ Герберта Сквилла. Его статья в «Нью-Йорк таймс» от 24 октября 1984 года так и называется: «Замораживание поддается контролю». Сквилл пишет, что, судя по опросам, две трети американцев поддерживают идею замораживания ядерных арсеналов. А что касается контроля, то «правда состоит в том, что мы могли бы проверять соблюдение положений соглашения о замораживании и, несомненно, могли бы выявить любые его нарушения, которые угрожали бы нашей безопасности». Не менее четко ставит вопрос Роберт Боу («Крисчен сайенс монитор» от 3 декабря 1984 года): «... Никакая проверка с помощью спутников или даже проверка на местах не может гарантировать обнаружение любого нарушения, как это часто подчеркивают противники соглашения. Однако с точки зрения безопасности это неправильный критерий. Необходимо иметь возможность обнаружить любое нарушение соглашения до того, как оно значительно изменит военное равновесие, ослабит безопасность, обнаружить вовремя, чтобы исправить любую диспропорцию».*

Нет, дело не в контроле, дело в общем подходе, в принципиально негативном отношении к сокращению вооружений, к снижению военной угрозы. В противном случае почему бы США не взять на себя обязательство о неприменении ядерного оружия первыми. Но не хотят, не дают такое обязательство.

Надо понять логику американцев. США исходят из того, что они никогда не начнут войну против СССР. И когда в Вашингтоне говорят о «первом ударе» — это удар в ответ на нападение на США или страны НАТО. Если Запад не справится с агрессией обычны-

ми силами, если он будет поставлен на грань поражения, то тогда США пойдут на применение ядерного оружия первыми. Что же здесь плохого? Где слабое место этих умозаключений?

Боюсь, что такое изображение позиций США страдает некоторой односторонностью. Хотя основной стратегической установкой остается «сдерживание путем устрашения», американцы все чаще рассуждают о возможности первого удара как удара обезоруживающего, обезглавливающего. Тут обороной и не пахнет.

Что же касается «оборонительных» умозаключений, то их первое слабое место — принципиально ложная исходная предпосылка. Советский Союз ни на кого не собирается нападать. Но именно такая предпосылка положена в основу стратегии НАТО. «Если бы мы уверили Советский Союз, — говорит генеральный секретарь НАТО лорд Каррингтон, — что мы не будем применять ядерное оружие в случае нападения на нас русских с применением обычных сил, даже если они бы одержали над нами победу..., это убедило бы Советский Союз в том, что мы примиримся с поражением в случае нападения на нас в ходе обычной войны. Разве так можно предостеречь войну?» Но мы не хотим воевать. Мы не будем прорываться к Атлантическому океану через Западную Европу или к Персидскому заливу через Пакистан. Так что американский первый ядерный удар как удар ответный — это нонсенс.

Далее. Удар исключительно в целях обороны? Вроде бы в такой позиции есть логика. Но давайте спросим: а что делали американцы во Вьетнаме? Нападали или оборонялись? Разумеется, с точки зрения официального Вашингтона, оборонялись. А что делает Израиль в Ливане? Ну конечно же, скажут нам, обороняется. При таком понимании вещей, когда обороной называют стопроцентную агрессию, американская оговорка выглядит крайне двусмысленно и лицемерно. К тому же характер, направленность модернизации американских стратегических сил показывают, что пентагоновских стратегов не оставляет мысль о первом обезоруживающем ударе. Мысль, находящаяся по ту сторону здравого смысла. Все те же поиски рационального в иррациональном.

Наконец, применение ядерного оружия (любого типа: тактического, ТВД или стратегического) переводит войну в принципиально, абсолютно новое качество. Если ракетно-ядерную войну нельзя выиграть, то начинать ее — самоубийственный абсурд. Логика, логика жизни требует иного решения. «Советский Союз, — говорил министр оборо-

ны СССР, — не делает ставку на победу в ядерной войне. Понимание невозможности взять верх в таком конфликте — это также аргумент в пользу отказа от применения ядерного оружия первыми». И это — сильный аргумент. Его поддерживают многие ответственные деятели на Западе — и ученые, и политики.

«В конце концов, — писал директор Федерации американских ученых Джеремии Стоун, — ни одна неядерная война не привела бы к уничтожению нации. Но через несколько часов после применения президентом ядерного оружия ответный ядерный удар мог бы покончить с Соединенными Штатами». Причем «мог бы» — это слишком деликатно сказано, с учетом, видимо, всех возможных оговорок. Более определенно выразился Аверелл Гарриман: «Любой конфликт с применением ядерного оружия, — сказал он, — был бы не чем иным, как акцией стран, которые сошли с ума. Те, кто считает такой конфликт чем-нибудь меньшим, вызывают у меня лишь чувство презрения, ибо они не в своем уме, и чувство жалости, ибо они не проявляют общих черт человечности, которые связывают нас на нашей хрупкой планете».

Прибегнуть к ядерному оружию, чтобы спастись от поражения в обычной войне, — все равно что тушить пожар при помощи бензина. Не случайно американский конгресс пытался оградить свою страну от неожиданностей. В 1972 году тогдашний председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Фулбрайт внес предложение, согласно которому президент «ни при каких обстоятельствах не имеет права применять ядерное оружие первым без предварительной специальной санкции конгресса». Не прошло это предложение. А жаль, стало бы немного спокойнее в мире.

По-моему, надо держаться ближе к здравому смыслу. Если ядерная война — это катастрофа, конец, то «первый удар» — это убийство и самоубийство. И лучше отказаться от него.

Все понимают, что заявления, обещания, декларации, даже торжественные, как и любые международно-правовые акты, делаются людьми и людьми же могут нарушаться. И все-таки взаимное согласие ядерных держав не применять первыми ядерное оружие имело бы большой смысл — оно усиливало бы столь нужные элементы доверия, оно показывало бы путь, по которому нужно идти, чтобы не прийти на ядерную голгофу.

Кроме того, если к обязательству не применять ядерное оружие первым относиться серьезно, — а в Советском Союзе так к нему и относятся, — это означает еще более строгие рамки в определении состава вооружений, еще более жест-